

РУССКИЕ

Упираясь головой в небеса,
Как в последний – затянули пояса
И воскликнули: «Доколе нам терпеть!»,
А сильнейшие сказали: «Лучше смерть».
И досталось – слабейшим умирать
Долго-долго; и в молитвах поминать
Сильных, славных...
Где отец и где там брат?
Именами их – детишек называть.
И к тому, что стало с нами, – привыкать.

Видно, правда, что всему на свете срок.
Даже смерти.
Вторят дети: «С нами Бог!»
И тогда мы в образа – глаза в глаза;
Учим с детками, что надо бы сказать...
Подпирая голову небеса
И покрепче затянувши пояса.

* * *

Я помню, в детстве «Мама ждёт»
важнее нету слов,
что там – за снегом и дождём –
глядят раз сто в окно...
Ей нет роднее ничего,
чем я
и тень моя...

Мной позабудется легко.
Всё годы затемнят.

Но день придёт: прильнёшь к окну,
глазочек надышав,
и сам заглянешь в ту страну
счастливых малышей.

Шепнёшь во тьму: «Ну, как вы там?
Всё ль помните меня?..»
Ответом –
в дом,
уостав летать,
ворвётся ребяшня.

МЕДВЕЖЬЯ РЕКА

Вода ушла под плавники,
под камни,
трущиеся брюшья,
под плодоносные пески,
став вязкой жидкостью горячей.
Так нагревается река
от прущей
друг по другу рыбы.
Так яхты мира ждут регат,
и паруса от нервов – дыбом.
Шипенье пенящихся тел,
влечение к таинству горбылью...
Начало,
жаль,
я проглядел...
но не медведи...
те – здесь были.
Они врывались поперёк,
движенье жизни – не помеха,
трепало их, как стебелёк,
и выдох рыб бежал по меху.

Вгрызались,
жадничать не смев,
в оранживую
вечность,
в тягу
к рождению,
в звёздную купель
вторгаясь,
в чешуи изнанку.

И понял я – у них в горбах
бьёт плавниками,
трётся
молодь.
Не слышит этого рыбак,
не видит,
жизни новой полон.

А берег цвёл от медвежат
и каждым камушком дрожал.

САХАЛИНСКИЙ ЗАЛИВ

...Двух нивхов – смотрителей моря, сетей
и рыбы, входящей в окружье хмельное –
я долго смотрел... и тогда по воде
мой разум ушёл, как медведь, на зимовье.

Что толку в ту даль по полжизни глядеть,
коль даже без женщины столько не выжить?
А может, они, пробежав по воде,
смекают, что в говоре рыбьем им слышно.

Куда мне понять... Они тысячи лет
вбирали в себя эту тайну земную.
Хоть сладостно вьюги поют по зиме,
но вжись не понять эту рыбу немую.

***

Река, конечно, скоро стронется...
Вовсю цепляясь в берега,
Не миновать весенней вольницы,
Что воспёт поэт в стихах.

Не миновать грачей в проталинах,
Скворцов, снующих у летка,
Веселой неминучей тайны
Зовущей – жить...
не умирать.

ТОЛЬКО ВЕСНА

Странно в мире... Спокойствие. Будто весна
Свет не задела своей огнедышащей трелью.
Тихо, привычно трамваев стучат семена,
Сыпясь на стыках... но искры в утробе не спеют.

Спеет равнина, клочками срывая снега.
Зреет река, возбужая рыхлистую ледью.
Птицей на ветке, чей щебет по капле стекал.
Солнцем на взгорке, чей профиль по-мартовски меден.

Мною, тобой и детишками, спящими всласть,
Ждущими мира душевного, лада телесно-земного.
Кто это выдумал злую такую напасть
Не замечать:
по весне
нету спасенья иного.

ЖИЗНЬ

Ветер, говоришь...
Дышит
атомом каждым весна.
Щебет - как булка
пышный
иль игристо-пенно вина.
Облако снегом талым,
серою твердотой
напоминает старый
колодец с чёрной водой.
Землю сравнить...
и не с чем...
Забыто и выглядит,
как...
А впрочем:
как милая
вечером,
кормящая дитя.

Всё – таинство
понабрякшее
без умысла напоказ,
разломишь
и ешь
так мякишек,
скорее –
парной пока.
И нету предела щедрости
особенной в первых днях.
У вёсен беззубы челюсти.
Нет похоти –
жизнь одна!

***

Женщина моя отошла ко Господу,
зимнюю реку посуху перейдя.
Не успокоюсь, снова прочтя в Апостоле,
что жена – слава мужа, добродетелю
нагу цена – медяк.

Посему жена и теперь спасает мужа?
Палочка-выручалочка, что ли, в раю она?
Словно планеты тени вокруг Бога кружат.
Звёздочкой малой ты ли глядишь с окна?

СОНЕТ 39, ЗЕРКАЛЬНЫЙ

1.

Сонет тридцать девятый из Неруды мне рассказал,
что жить совсем нетрудно.
Он с первых строк моим всецело стал.
Там про тебя, как будто ты – чилийка,
и бронзой кожи с местным схожа людом,
и профиль твой – ацтечки словно лик.

Я путаюсь в народностях и датах,
всё потому, что сердце жжёт утрата,
так землю зной бесплодную творит.
Увы, нет рядом нежных рук твоих.
Когда твоей заботой мир не убран,
не приготовлен расцвести поутру,
не вздыбят вены рек судьбы туман,
не вспомнит сердце жизни аромат...

2.

Но помню я, как вымерзшую розу
теплом ты оживила рук своих,
водой живой и мёртвой напоив,
лучом с небес так солнце сходит просто.
Ты не одна, с тобой твоя семейка:
лопата, тяпка, лейка, дружно все
врачуют грядки, чтобы поскорей
цветущей зреть ожившую земельку.

Горжусь, люблю... мозолей не стесняюсь
я рук твоих... Веселой птичьей стаей,
нет, роем пчёл, вся – льнёшь к душе моей.
И чудо: камень сердца охладевший
теплом ладоней, словно жаром вешним,
согрет, поёт: что смерти больше нет.

***

Две тыщи лет так безнадежно
И так легко на свете жить.
Времён последних льётся нежность
От горних данная вершин.
А мы по-прежнему беспечны,
Жадны, унылы и срамны.
Мы помнить будем это – вечно –
Во оправдание вины.
А то, что там про нас не помнят,
Поверить можно,
да – нельзя:
Есть в сердце странный камень огнен,
И дух в сем горне не иссяк.

***

Что за умница, любимая моя.
Успокоилась и смотрит на меня,
Словно в облачке слетела, рядом сев,
Полюбив во мне и тот и этот свет.
Я гляжу, не налюбуюсь, ангел мой,
Души-странники вернулись домой;
Неужели нам не надо больше слов:
Бог – одно,
оно же, стало быть, – любовь.
Позабудем человечески слова,
Но не это вот одно...
...Не эти два.

НАМ ПРО ТО ГОВОРИЛ ЛУКА

И опять меня в грусть опрокинет
неприсутствие рядом тебя,
словно в этом я сам повинен,
а не просто деньки летят.
И всего-то на миг расстались.
Вот инет, и мобильник тут.
Я, наверное, слишком старый –
мне твоих не хватает губ,
говорящих о всём на свете
от Украины до подруг,
глаз твоих и волос, что ветер
рук моих развеивает вдруг.
Этих, Боже ж ты мой, словечек,
смеха, шепота, тишины...
они помнят про то, что вечны
мы... на свете не только сны...
мы не тени, не отголоски,
даже если на сутки врозь,
мы, как дети наши, –
подростки,
нам, как в юности, –
вновь везет
жить
и в муках любви нежиться
звездной матери на руках,
не войны мы, из мира беженцы...
Не про то ль говорил Лука?
Чтобы грусть не терзала душу,
чтобы тело бросало в дрожь
от признания «ты мне нужен»,
от вопроса «уже ли ждешь?»

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА

Что тебе в этой Сороти?
Река, мил друг, как река.
Осенью тонет в золоте,
а летом в грязи бока.
С холмов –
с одного хоть с третьего
взобратся, коль хватит ног:
округу вложи в конвертики,
как в детстве в подушки сон,

и разошли их по свету
с Балкан до чухонских скал
или развей их по ветру,
лети, мол, моя тоска;
чихали чтоб други-вороги
с того, что мне не до них;
и, верно, мои тревоги
уже не вмещают дни;
читаю Четьи-Минеи я,
к земным ли брожу, к Святым –
долечиваюсь, виденья
и ночью и днём видны.

ТОСКА

В пыли дорог устав, нет мочи,
за Волгу плыл... Там перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обиием своим...
Так было... но теперь иные
здесь виды – тусклые, больные,
и волны бьют у самых стен
монастыря – предвечный плен.
И я тут был: чрез пень колоду
валили мы лесов простор,
чтоб реку вывести в затвор,
пустив века-веков под воду.
«Кто знал, что вождь наш был неправ?» –
так думал я, к мощам припав.

Герою моего романа
услално было вспоминать
чернила Керженца в тумане,
и что огромная страна
вдруг просыпалася к работе,
не зная о своей свободе
и ведая, что счастье – есть;
в тумане падших звёзд не счесть.
А ныне нам отец Владимир
про Желтоводский монастырь
поведал явь, как будто сны:
что лики кажутся лишь дымны,
то чернота нисходит с них –
с картинок лет переводных.

Когда я думаю о долге
перед людьми, их – предо мной,
смысл слова враз сбивает с толку,
и «долг» становится «виной».

Жизнь с первых слов вгоняла в краску.
«Тебе не стыдно?» – спросит мать.
И представляю я огласку.
И впору лечь и умирать.

А раскрываясь в новом смысле,
«любовью» становился долг.
Прёт лошадь в гору воз, вся в мыле...
Хозяин зол. Хозяин строг.

С такой любви – одни тревоги,
печали буден, горечь встреч.
И всё чего-то должен многим –
не скрыть себя, не уберечь.

Но вспоминается позднее,
что долг-то красен платежом,
и оттого ещё больнее,
и сам себе уже смешон.

Так заплутавшийся в трёх соснах:
любви, виновности, стыда, –
или раздай все серьги сёстрам,
иль со свету сживёт среда.

Не знаешь и куда податься.
Не вековать же одному.
И долг взывает к силе вражьей:
на бунт, на кровь... во тьму коммун.

Когда-нибудь века страданий
вернут простой и вечный смысл
ещё не названному знанью,
что называли «долгом» мы.

* * *

Всё, чему учился в жизни я,
передал, сынок, тебе сполна.
На твоей коленке – мой синяк.
На глазах – моя же пелена.
Солнце всходит – я его зажёл
и к порогу нашему привёл.
Помню, ты сказал:
«Как хорошо».
Я подумал: «Видимо, не врёт».

* * *

Снег пошёл. Да это Небо
Тянется к земле.
Чтобы нам, кому там не быть
Жить не по себе.
Чтобы тело прозябало
Не с того, что стынь –
Потому что оторваться
Трудно от земли.

ДРУГАЯ СКАЗКА

Вернулась речка в берега,
И обжита скворечня...
А мне Ивана-дурака
Судьба легла на плечи...
Не то, чтоб завистью влеком,
Но точно – не по чину,
Совсем забыв про стариков,
Почтили дурачину.
Почто приметила судьба,
Свалив под ноги злато?
...Была бы вислою губа –
Тогда уж, вроде, ладно...
Тут – ни горба, ни сундука;
Одна мечта да вера,
Да чуть умения в руках,
Да стыд сидеть без дела.
Таким он вышел на базар
И объявил народу:
– Бери, что хочется глазам;

Плати же – чем угодно.
На золотишко всякий хват;
И отдавали с лишком –
И честь, и совесть, и права
На предков и детишек.
А ввечеру подбив итог,
Карман наружу вынув,
Забрал с собой Иван, что смог:
Всё, что взвалил на спину.
И вот теперь к землице гнут
Чужие честь и слава,
И на погостах – крест к кресту,
Безродных птах орава.
Другому б это не поднять...
А дураку – забава...
Растёт под боком ребяшня
Дурацкого всё нрава.
Хоть рядом, хоть издавека,
Гляди, спешу навстречу –
Судьбе Ивана-дурака
свои подставив плечи.

ПРОХОЖИЙ

Николаю Лугинову

Здесь совсем другое небо.
Этим звёздно-снежным небом
по-за-сыпан двор.
Здесь порою нету хлеба;
и за этим самым хлебом –
так уж выдалось поэту –
топчут ноженьки простор.
Дед мой Пётр ходил за солью
к Волге на паром.
И не думалось об этом.
Вспомнилось потом,
как стоптал тропюю снежной
пару-тройку валенок,
матернувшись, делом грешным,
словно сбив окалину...
Устоять бы...
И по тропке
в горку,
с горки –

вытерпеть...
Снег шершав, как хлеба корка.
«Сам хотел,
так вот тебе!» –
я шепчу.
Звезда морозит.
Тьма с размаху
оземь
бросит
тело и слова
прошагавшего за хлебом;
разбери –
землём иль небом
шла душа жива...
Тот,
кто выдумал порошу,
Тот,
кто хлеб небесный крошит –
Он вовеки прав.
Путь земной
и путь небесный,
То ли звёздный,
то ли снежный –
всё не разобрать.
Словно в храм,
бреду тверёзо
к деткам –
ждут в тепле –
отвечать на их вопросы
к небу и земле.